

Память 08 февраля (ст.стиль 26 января)

Житие преподобных Ксенофонта и Марии и сыновей их Иоанна и Аркадия

Святой Ксенофонт был одним из знатнейших сановников в Константинополе. Он был богат мирскими благами, но еще богаче внутренними сокровищами: верою, благочестием и усердным соблюдением всех заповедей Божиих. Будучи знатным по своему сану и благородному происхождению, он был еще знатнее по своему благочестию и добродетельной жизни. Насколько он был высок по своим почестям, настолько же он был смиренномудр умом; он не превозносился сердцем над людьми и не гордился своею временною мирскою славою. Он собирал для себя сокровища на небесах, предпосылая туда свои богатства руками нищих. Была у него подруга жизни, по имени Мария, подражательница ему во всех добрых делах и во всем одинаковая с ним по характеру. Ксенофонт жил с нею добродетельно, угождал Богу, исполняя беспорочно все заповеди и

соблюдая правду Божию. Когда у них родились два сына Иоанн и Аркадий, они воспитывали их добрыми наставлениями и учили не только книжной мудрости, но и страху Божию, который есть начало всякой премудрости, а равно поучали их всякой добродетели. Они желали видеть в детях не только наследников своих богатых имений, но главным образом подражателей их богоугодной жизни. Они послали их учиться эллинской мудрости в финикийский город Берит¹, славившийся в то время своими школами. Когда они жили там некоторое время ради учения, Ксенофонт сильно заболел и уже ожидал смерти. Мария, не надеясь на выздоровления мужа, написала в Берит к сыновьям о тяжелой болезни отца и просила их поскорее возвратиться домой, - прежде чем отойдет в вечность отец. Она хотела, чтобы дети получили последнее благословение от отца и приняли участие в погребении его. Они поторопились возвратиться домой. Отец, увидев их, обрадовался, и от радости болезнь его ослабела. Он велел им сесть у своей постели и начал поучать их так:

- Как мне кажется, дети мои, я приближаюсь к кончине своей жизни; вы же, если любите меня, отца своего, сделайте, что я завещаю вам. Во-первых, бойтесь Бога и жизнь свою устройте по Его святым заповедям. Затем то, что я скажу вам далее, буду говорить не по тщеславию, но с целью наставить вас на путь добродетели: если вы мою жизнь будете иметь для себя образцом, то я думаю, не нужно вам будет другого учителя, ибо домашнее учение, выраженное словом и делом, гораздо полезнее всякого другого учения. Знайте же, что я дожил до сих пор, сохраняя постоянное благоговение и простоту сердца. Я был всеми уважаем и любим не за свой высокий сан, а за свою кротость и добрый нрав: никого и ничем я не обидел, никогда никого не укорял, не клеветал, не завидовал, не гневался напрасно, не враждовал ни с кем. Я всех любил и со всеми жил в мире; я не уклонялся от посещения церкви Божией ни вечером, ни утром; я не презирал ни нищего, ни странника, ни опечаленного, но каждого утешал словом и делом; часто посещал находившихся в темницах, многих пленников выкупил и отпустил на свободу. Как положил я устам своим преграду, чтобы не говорить ничего дурного и лукавого, точно так же я положил завет для очей своих, - чтобы не смотреть на чужую красоту и не иметь похотения к ней. Бог меня

хранил, и я не знал иной жены, кроме вашей матери, но и с нею я жил в плотском союзе, пока не родились вы, а затем мы условились оставаться чуждыми друг для друга по плоти и сохранили телесную чистоту о Господе доселе. Последуйте же, дети, жизни родителей, подражайте вере, терпению и кротости нашей, и живите так, чтобы угождать Богу; тогда Бог пошлет вам долгую жизнь. Подавайте милостыню убогим, защищайте вдовиц и сирот, посещайте больных и находящихся в темницах, избавляйте обиженных и неправильно осужденных от бедствий, храните мир со всеми. Будьте верны своим друзьям, благодетельствуйте врагам, не воздавая им злом за зло; по отношению ко всем будьте добры, кротки, любезны, смиренны. Сохраняйте в непорочности чистоту душевную и телесную, а если Бог благословит вас супружеством, то да будет не скверно ложе ваше. Благодотворите церквам Божиим и монастырям; священников и иноков почитайте, ибо ради них Бог являет всему миру милосердие. Особенно не забывайте скитающихся ради Бога в пустынях, в горах, в вертепах и пропастях земных, но подавайте им необходимое для жизни. Достаточно питайте нищих, и вы не обеднеете. Вы знаете, что дом мой никогда не оскудевал, несмотря на часть трапезы, предлагаемые убогим. Часто молитесь и внимайте поучениям святых мужей. Матери вашей воздавайте должный почет и слушайте ее со страхом Господним, всегда исполняя ее волю и никогда не отступая от ее повелений. Будьте милостивы к рабам, любя их как членов семьи и детей своих; стариков отпускайте на свободу и подавайте им пищу и все потребное до самой кончины их. Короче сказать, повторяю вам: что вы видели меня творящим, тоже делайте и сами, - и вы сподобитесь чести и славы святых. Помните всегда и то, что скоро пройдет мир сей и слава его исчезнет. Дети, сохраните заповеди Господни и мои наставления, и Бог мира да будет с вами!

Слушая эту речь, Иоанн и Аркадий плакали и говорили:

- Не оставляй нас, отец, но умоли Бога, да подаст тебе еще несколько времени прожить с нами. Мы веруем, что ты умолишь Бога, если захочешь: Бог послушает тебя. Для нас же юных весьма необходима твоя жизнь здесь, чтобы ты совершеннейшим образом наставил нас на добрые дела, и сам устроил нашу жизнь, как должно.

Отец тяжело вздохнул и, прослезившись, сказал:

- С тех пор как посетил меня Бог этою болезнью и я возлег на одре, я много молил и молю Бога о том, чтобы Он, ради вашей юности, ниспослал мне еще немного времени прожить на земле, пока я увидел бы вас совершенными во всем.

В следующую же ночь было святому Ксенофону откровение в сонном видении, что Бог повелевает ему еще оставаться в этой жизни. Он возвестил об этом супруге и детям, и все они радовались и славилы Бога. Больной начал мало-помалу выздоравливать от недуга. Он сказал сыновьям:

- Дети, отправляйтесь и оканчивайте ваше учение, а по окончании немедленно возвращайтесь: я устрою ваш законный брак.

Затем он посадил их на корабль и, снабдив всем необходимым, отпустил их снова в Берит.

Когда они отправились в путь морем, плавание вначале было благоприятным, так как дул попутный ветер. Но затем внезапно поднялся противный ветер, и на море наступили неожиданная буря и сильное волнение. Корабельщики скоро оставили руль, и корабль был понесен бурей неведомо куда, все более погружаясь в волнах. Все, находившиеся на корабле, отчаялись в спасении жизни и под влиянием бедствия и страха смерти горько плакали. Плакали и оба брата, Иоанн и Аркадий, вознося молитвы к Богу.

"Владыка преблагий и промыслитель о всякой твари! - молились они. - Не презри создания Своего, помяни добрые дела наших родителей и ради них не оставь нас: не дай нам прежде времени умереть в молодых годах нашей цветущей юности. Пусть пощадит нас водная буря и не поглотит нас глубина морская. Помяни милости Твои и щедроты, призри с высоты святой славы Твоей и воззри на бедствие наше. Услышь стенание наше и вопли наши! Сердцем сокрушенным и духом смиренным мы молимся Тебе: прости к нам Твою всемогущую десницу и избавь нас от смертной гибели; не предай нас смерти ради Твоего

имени, но поступи с нами по милости Своей и по множеству милосердия Своего. Избавь нас от потопления ради славы Своей, ибо не мертвые восхвалят Тебя и не те, которые нисходят в ад (ср. Пс.113:25), а мы, живые, прославим Твое величественное имя".

Корабельщики, видя, что сильное волнение не прекращается, а наступает еще большее, так что уже невозможно кораблю избавиться от потопления, - как бы желая помочь бедствующему кораблю, сошли в небольшое судно, особенным образом устроенное, покрытое сверху и безопасное от погружения, и затем поспешили удалиться от корабля, плывя туда, куда несли волны. Они надеялись, что волны выбросят где-либо их на берег. Юноши, Иоанн и Аркадий, оставшись на корабле со своими рабами, видели и бегство корабельщиков и неизбежную гибель корабля, так как последний уже разбивался и, наполняясь водою, погружался в волнах. Они совершенно отчаялись в спасении жизни и совлекли с себя одежды ради большого удобства в плавании, чтобы не тотчас погрузиться и погибнуть в пучине. Ожидая окончательной разлуки и смерти, они с плачем и умиленными голосами зывали к своим родителям, остававшимся далеко в дому, представляя их как бы находящимися здесь.

- Желаем тебе, - говорили они, - здравствовать, любезнейший отец! Будь здрава и ты, любезнейшая мать! Не увидите вы нас более, равно как и мы вас; не будем уже более наслаждаться вместе с вами в дому земными благами.

Затем они стали говорить друг другу:

- Горе нам, возлюбленный брат! Горе, свет очей моих! О, как тяжело разлучаться! Где теперь родительские молитвы? Где их благодеяния нищим? Где их милостыни, подаваемые инокам и оказываемое им уважение? Неужели ни одна из этих молитв о нас не дошла к Богу или, если и дошла, все же оказалась бессильною, так как ее превысило множество грехов наших, за которые мы уже недостойны жить? Горе нам, недавно плакавшим по поводу ожидаемой смерти отца, а ныне имеющим быть виновниками неутешного плача и бесконечного рыдания наших родителей! О отец! Ты, усердно пекущийся о нашем воспитании и благоустройении нашей жизни, не увидишь нас даже мертвых. О мать, надеявшаяся увидеть брак сынов твоих и готовившая прежде времени прекрасные палаты! Ты не увидишь даже гроба детей твоих. Подлинно, тяжело родителям видеть своих умирающих детей и погребать их, - а вам, милые родители наши, насколько тяжелее будет страдание при потере детей своих, когда вы не видели ни смерти их, ни даже вести о их неожиданной и горькой кончине не можете получить! Вы надеялись, что мы похороним вас в глубокой старости, а ныне и мы не устаиваемся быть погребенными вашими руками.

Затем они обнялись и, прощаясь, говорили друг другу:

- Спасайся, брат, и прости меня!

При этом они еще раз воззвали к Богу:

- О Царю и Владыко всех! Какую смерть Ты попустил нам! Если по неизреченным судьбам Твоим нам невозможно избавиться от нее, то, по крайней мере, не разлучи нас умирающих. Пусть одна волна покроет нас и одна утроба морского зверя пусть будет нам гробом!

Обращались они и к рабам своим:

- Спасайтесь, добрые братья и друзья, и простите нас.

Когда корабль окончательно разбился, каждый из них ухватился за первую попавшуюся доску, и, таким образом, они были разнесены волнами в различные стороны друг от друга. Но, по благодати Божией, все были спасены от потопления и гибели, и только занесены в различные стороны: рабы были выброшены волнами на сушу в Тире², Иоанн выброшен на одно место, называемое Малмефетан³, а Аркадий - в Тетрапиргию⁴. Каждый из них, ничего не зная об избавлении от смерти брата своего, не столько радовался о своей жизни, сколько скорбел о смерти брата.

Вышедши на сушу, Иоанн рассуждал сам с собою так: "Куда я пойду теперь? Я стыжусь явиться нагим на глаза людям. Пойду лучше в монастырь, где живут благоговейные иноки и там поработаю Богу, спасшему меня от смерти, в нищете и смирении лучше, чем в

богатстве мира сего. Я думаю, что Бог потому не послушал нас, молившихся к Нему на корабле, что родители наши хотели сочетать нас браком и оставить нам богатства и большие приобретения. Мы погибли бы в суете мира сего скорее, чем на море. Всевидящий Бог, устроил для нас лучшую жизнь, попустил для нас такое бедствие, и как Ему угодно было, так и случилось. Он, Благий, знает все, что на пользу нам, а мы ничего не знаем, что должно случиться с нами. Он знает все и творит, как хочет, уготовляя спасение душе каждого".

Затем, воздев руки к Богу, он так молился: "Господи мой, Господи, спасший меня от морских волн и гибели смертной! Спаси и раба Твоего, брата моего Аркадия. Избавь его от горькой смерти, как избавил и меня по милости Своей; и если Ты сохранил его живым и извел на сушу, то отверни ему ум, чтобы он размыслил и восхотел иноческой жизни, и сподоби его благоугодить Тебе. Спаси и слуг, бывших с нами, чтобы ни один из них не погиб в море, но спасением всех их да прославится пресвятое имя Твое!"

Идя по берегу, он продолжал молиться: "Господи Иисусе Христе, Единородный Сын Божий! Снизойди к молению раба Твоего и направь стопы мои к исполнению заповедей Твоих, наставь меня по Твоей святой воле, ибо Ты знаешь, Владыко, что иного помощника, кроме Тебя, я не имею в сей час".

Прошедши немалое расстояние, он нашел монастырь и постучался в ворота. Привратник отпер и увидел его нагого. Он снял с себя верхнюю одежду, дал ему одеться и, введши его в свою келию, предложил ему хлеб и сочиво. Когда встали от трапезы, привратник черноризец спросил:

- Откуда ты, брат?

Он ответил:

- Я странник, - господин мой, - и убогий, спасшийся от гибели на море. Когда корабль разбился и погрузился в воду, я ухватился за доски и был носим волнами. Бог, по молитвам вашим, сохранил меня живым, и я был выброшен в вашу страну.

Привратник черноризец, услышав это, умилился и прославил Бога, спасающего надеющихся на Него. Затем спросил у Иоанна:

- Куда ты хочешь идти, брат?

Иоанн ответил ему:

- Куда укажет Бог. Я хотел бы стать иноком, если бы милосердый Владыка, презрев мои согрешения, сподобил меня принять Его благое иго.

Черноризец сказал ему:

- Воистину, чадо, ты желаешь доброго дела, и будешь блажен, если со всем усердием поработаешь Богу.

Тогда Иоанн обратился к нему со следующей просьбой:

- Умоляю тебя, отче, скажи мне: могу ли я здесь с вами оставаться?

Инок ответил:

- Подожди немного, я сообщу о тебе отцу нашему игумену. Не будет ли ему откровения от Бога о тебе? Затем то, что он повелит тебе, ты сделаешь и спасешься.

Привратник пошел к игумену и рассказал ему подробно все о юноше. Игумен повелел привести его к себе и, увидев его, уразумел в судьбе его Божие призвание. Провидя его добрую жизнь, он сказал:

- Благословен Бог отца твоего и матери, спасший тебя от гибели в море и приведший сюда!

Затем, преподав ему подробные наставления о спасительной иноческой жизни, осенил его крестным знаменем и повелел ему оставаться в монастыре. В скором времени он постриг Иоанна в иноческий ангельский чин. Таким образом, блаженный Иоанн подвизался в молитве и посте и во всех монастырских трудах, исполняя послушания. Но он постоянно скорбел о брате своем Аркадии, думая, что тот погиб в морских волнах.

Аркадий также, по Божию изволению, остался в живых и, вышедши из моря на сушу в Тетрапиргии, пал ниц и молился Богу так: "Господи Боже Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова,

Бог отца моего! Благодарю Тебя за то, что Ты избавил меня от волнения и бури и от смерти извел меня к жизни, которой я уже не ожидал, и поставил мои ноги на суше. Но как Ты, премилостивый, спас меня от потопления, так спаси и раба Твоего, брата моего Иоанна. Я молюсь Тебе, Господи мой, Господи, - сохрани его по милосердию Твоему, чтобы не потопили его волны и буря, и не поглотила его бездна. Услышь меня, Господи, так как велики милости Твои, и сподоби меня увидеть брата моего. Помяни дела отца нашего и не сведи Иоанна в преисподние глубины моря. Не предай юного отрока преждевременной и нечаянной смерти. Дай мне прежде увидеть его и тогда умереть".

Так молясь, он сильно плакал и даже изнемог от плача; затем, встав, пошел в находившееся недалеко селение, где встретившийся ему один христоробец дал ему ветхую одежду. Он оделся и, попросив немного хлеба, укрепил свое изнемогшее тело. После этого он пошел к находившейся там церкви и, еще раз помолвившись со слезами о брате, прислонился к стоявшему у церкви столбу и заснул. Тотчас в сонном видении он увидел брата своего Иоанна, говорившего ему:

- Брат Аркадий! Зачем ты так горько плачешь обо мне и сокрушаешь свое сердце? Я, по благодати Христовой, остался жив; поэтому не печалься обо мне.

Аркадий, проснувшись, уверовал, что это сновидение истинно; он исполнился великой радости и благодарил Бога. При этом он размышлял сам с собою: что ему делать?

"Пойду ли я, - думал он, - к родителям, - они, не видя брата моего со мною, будут печалиться по поводу моего возвращения. Если я опять пойду в школу и, по окончании философских наук, возвращусь к родителям, то также не обрадую их. Увидев только одного меня, они начнут горько плакать. Что мне делать, я не знаю. Помню, как отец мой всегда восхвалял иноческую жизнь, связанную с безмолвием и приближающую к Богу. Итак, пойду в монастырь и стану иноком".

Так размыслив сам с собою, Аркадий сотворил молитву и пошел в Иерусалим. Поклонившись там святым местам, в которых Господь соделал спасение миру, он вышел из города и хотел пойти в какой-либо монастырь, который случится на пути. Продолжая идти, он встретил одного почтенного инока, украшенного сединами, человека святой жизни и прозорливца. Подошедши к нему, юноша припал к его ногам, лобызал их и говорил:

- Моли Господа о мне, святой отче, так как я нахожусь в большом унынии и страдаю.

Старец сказал ему:

- Не скорби, чадо! Брат твой, о котором ты скорбишь, так же жив, как и ты. Все другие, бывшие с вами на корабле, хранимые Богом, спаслись от гибели и пошли в монастыри ради иноческой жизни. Брат твой Иоанн уже принял первое иноческое посвящение. Будет время, когда ты увидишь брата собственными глазами, ибо услышана твоя молитва.

Аркадий, слыша эти слова великого старца, стоял изумленный и удивлялся прозорливости святого, а затем, опять припав к ногам его, стал говорить:

- Так как Бог не скрыл от тебя ничего, что случилось со мною, то и ты не отвергни меня, - умоляю тебя. Каким способом знаешь, спаси мою убогую душу и введи меня в иноческую жизнь.

Старец сказал ему:

- Да будет благословен Бог! Ступай за мною, дитя мое.

Старец повел его в лавру святого Харитона, которая на сирийском языке называлась Сукийскою⁵. Там он постриг юношу в иноки и дал ему келию, в которой раньше подвизался один из великих отцов в течение пятидесяти лет. С Аркадием провел один год и сам этот прозорливый старец, наставляя его в правилах иноческой жизни и научая его бороться и противодействовать невидимым врагам. По окончании года старец ушел в пустыню, оставив в келии одного Аркадия и обещая ему свидеться с ним по истечении трех лет. Аркадий, получив наставления от старца, ревностно исполнял их, работая Богу денно и ночью.

Спустя два года после гибели корабля, Ксенофонт, не зная о том, что произошло с его детьми на море, послал одного из рабов своих в Берит, поручив ему разыскать Иоанна и

Аркадия и узнать подробно о них все: здоровы ли они и скоро ли окончат свое учение. Отец и мать сильно удивлялись, что в течение столь продолжительного времени дети ни разу не известили их о себе и не прислали ни одного письма своим родителям. Раб, прибыв в Берит и узнав, что дети господина его Ксенофонта не являлись в этот город, подумал: не изменили ли они своего намерения и не пошли ли они в Афины? А потому пошел в Афины искать их. Не нашедши их и там, и не будучи в состоянии собрать где-либо о них сведений, он пошел обратно в Византию смущенным. Когда он отдыхал на пути в одной гостинице, какой-то странствующей инок остановился там же отдохнуть. Во время разговоров он рассказывал, что идет в Иерусалим поклониться святым местам. Раб Ксенофонта, всмотревшись в инока внимательно, постепенно узнал в нем своего бывшего друга, одного из рабов, посланных господином с детьми в Берит. Раб спросил инока:

- Не так ли ты называешься? - и, назвав его имя, сказал:

- Ты - раб господина нашего Ксенофонта, отправившийся с Иоанном и Аркадием в Берит.

Черноризец ответил:

- Действительно это я, а ты товарищ мне, так как мы одного господина рабы.

Тогда раб спросил:

- Что случилось с тобою, что ты принял образ инока? Где также господа наши Иоанн и Аркадий? Расскажи мне, прошу тебя, - ибо я много трудов понес, отыскивая их, и нигде не нашел.

Инок тяжело вздохнул и с глазами, полными слез, начал рассказывать ему подробно.

- Ты должен знать, друг, что господа наши погибли в море, а равно и все, бывшие с ними. Как я думаю, я один только спасся от гибели. Я решил лучше скрыться в иноческом звании, чем возвратиться домой и принести ужасную весть господину нашему и госпоже и всем домашним. Таким образом, я стал иноком и иду в Иерусалим на поклонение.

Раб, услышав это, начал громко восклицать и горько плакать. Он начал вопить от жалости, бил себя в грудь и говорил:

- О, горе мне, господа мои! Что приключилось с вами? Что я слышу о вас! Как вы пострадали! Какая горькая кончина постигла вас! Кто возвестит отцу и матери об ужасной смерти вашей? Чьи глаза смогут смотреть на отцовские слезы и материнское горе! Можно ли слушать без содрогания плачь, рыдание и вопли их! Увы мне, мои добрые господа! Вы погибли, надежда наша! Мы надеялись, что вы, став наследниками после своих родителей, доставите счастье нам, рабам, осыпете своими благодеяниями нуждающихся, успокоите странных, облагодетельствуете нищих, украсите Божии храмы, будете подавать необходимое монастырям, - а ныне, о горе нам! все наши надежды обмануты. Что мне делать, я не знаю. Если я возвращусь домой к господину моему, то я не посмею рассказать ему столь прискорбные известия. В самом деле, как возвестить отцу и матери о том, что сыновья их погибли в море? Услышав об этом, не упадут ли они тотчас мертвыми, изнемогая от тяжелой сердечной скорби? Поэтому я не пойду домой, чтобы вследствие столь дурного известия, которое я принесу, не умерли раньше времени господа мои, и я не стал виновником их смерти.

Когда раб этот так говорил и плакал, не желая возвращаться к господину своему Ксенофонту, случившиеся там странники и жители селения убеждали его перестать плакать и советовали ему идти домой и рассказать обо всем господам своим, чтобы они не проклинали его.

- Если ты не возведишь господам о горе их, - говорили они, - и сам неожиданно исчезнешь, то не будет тебе спасения.

Раб послушался совета их и возвратился в Константинополь. Вошедши в дом господина своего, он сел, поникши головою, с осунувшимся лицом, и в смущении молчал.

Госпожа его Мария, услышав, что раб их, посланный к детям, возвратился, тотчас призвала его к себе и стала спрашивать:

- Как живут наши дети?

- Ничего, здоровы, - ответил раб.

Госпожа продолжала спрашивать:

- Где же их письма?

- Я потерял их на пути, - ответил раб.

Тогда начало смущаться сердце ее, и она обратилась к рабу:

- Заклинаю тебя Богом, Расскажи мне истину. Душа моя сильно смутилась и силы оставили меня.

Тогда он громко воскликнул, горько заплакал и начал рассказывать истину.

- Горе мне, госпожа моя! - говорил он. - Оба светила ваши угасли в море: разбился корабль, и все утонули.

О сколь мужественною оказалась, сверх ожидания, госпожа, услышавшая эту весть! Крепко веруя в Бога, она, вместо того, чтобы упасть на землю от изнеможения и горя и рыдать в отчаянии, несколько помолчала от изумления, а потом сказала:

- Благословен Бог, устроивший все сие! Как было угодно Господу, так Он и сотворил. Да будет имя Господне благословенно отныне и до века!

Рабу же, принесшему ей весть, она сказала:

- Молчи и никому об этом не говори: Господь дал, Господь и взял; Он Сам знает, что нам служит на пользу.

Когда прошло часа три и день склонялся к вечеру, возвратился домой из царских палат Ксенофонт. Он возвращался торжественно, в предшестве и сопровождении многих. Войдя в дом и отпустив пришедших с ним людей, он сел трапезовать. Он один только раз в день принимал пищу, и то вечером. Когда он возлег за трапезою, супруга его Мария обратилась к нему:

- Знаешь ли ты, господин мой, что раб наш пришел из Берита?

Ксенофонт ответил на это:

- Да будет благословен Бог! Где же возвратившийся раб?

Госпожа сказала ему:

- Он болен и отдыхает.

Тогда Ксенофонт спросил:

- Принес ли он нам письма от детей?

Она сказала на это:

- Оставь на сегодня, господин! Сейчас мы вкусим пищи, а завтра ты увидишь письма. Раб имеет многое рассказать нам о них словесно.

Но Ксенофонт настаивал:

- Сегодня и немедленно пусть принесут письма. Я прочту их и узнаю: здоровы ли дети наши? А все, что имеет сказать он изустно, пусть скажет завтра.

Тогда Мария, будучи не в состоянии удержать сердечное горе, залилась слезами и не могла ничего отвечать по причине рыданий. Ксенофонт, видя, что она так сильно плачет, удивился и стал спрашивать:

- Что это, госпожа моя Мария? Почему ты так плачешь? Разве дети наши больны?

Она едва-едва могла вымолвить:

- Лучше бы было, если бы они были больны, но они погибли в море, наши любезные дети.

Ксенофонт громко застонал и, прослезившись, сказал:

- Да будет благословенно имя Отца и Сына и Святого Духа, во веки, аминь! Не скорби, госпожа моя. Я верю, что Бог не попустит нашим детям совершенно погибнуть, и надеюсь, что Его милосердный промысел не причинит горя моим сединам, как и я никогда не осмеливался оскорбить Его благостыню. Помолимся же Его великой милости в продолжение всей этой ночи, и будем надеяться, что Бог откроет нам о детях наших: живы ли они или нет?

Затем они тотчас встали, затворились в молитвенной комнате и всю ту ночь провели в молитве, обращаясь к Богу с обильными слезами и твердою верою. Когда начало светать,

они возлегли отдохнуть, каждый особо, на острых волосяных рубищах. И было им обоим одно и тоже сонное видение. Им казалось, что они видят обоих сыновей своих предстоящими Христу Господу в великой славе: Иоанн имел уготованный для него престол, скипетр и царский венец, украшенный многоценным бисером и дорогими камнями; у Аркадия же был венец из звезд, крест в правой руке и светлый одр, приготовленный для отдыха. Когда они встали от сна и рассказали друг другу о своем видении, они поняли, что сыновья их живы и сохраняются милостью Господнею. Они сильно обрадовались, и Ксенофонт сказал своей супруге:

- Мария, я думаю, что наши дети в Иерусалиме. Пойдем туда и поклонимся святым местам. Может быть, там как-нибудь найдем и детей наших.

Посоветовавшись так между собою, Ксенофонт и Мария приготовились в путь и, сделав распоряжения управителям обо всем, касавшемся дома и имущества, раздав много милостыни и взяв с собою много золота, сколько было необходимо для подаяния милостыни и для пожертвований на святые места, отправились в Иерусалим. Прибыв туда, они обошли все святые места, молясь и раздавая милостыни. Затем они начали обходить все находившиеся в окрестностях Иерусалима монастыри, отыскивая детей своих, но нигде не находили их. Случилось им в одном месте на пути встретить одного из рабов своих, бывших с их детьми на корабле, уже ставшего иноком. Они обнимали его, целовали и земно кланялись. Инок, в свою очередь, земно кланялся им и говорил:

- Молю вас, ради Господа, не кланяйтесь мне: не причисляет вас, моим господам, так кланяться мне, рабу вашему.

Ксенофонт сказал ему:

- Мы почитаем святой иноческий образ, а потому и кланяемся. Ты же не печалься об этом, а лучше расскажи нам, умоляем тебя, - где наши сыновья? Скажи нам, ради Господа, скажи!

Инок прослезился и сказал:

- Когда разбился на море корабль, мы, схватив каждый доску, какую кто мог, плавали порознь, носимые бурей. Больше я ничего не знаю. Не знаю, спасся ли кто от гибели или нет. Только я был выброшен на сушу у берегов тирской страны.

Узнав это, Ксенофонт и Мария отпустили инока в путь, щедро одарив его милостынею, чтобы он молился о них и о детях их. Они направились в иорданские страны, чтобы и там помолиться и раздать оставшееся золото. Когда они шли предначиненным путем, то, по Божию промыслению, встретили того святого старца - прозорливца, который облек сына их Аркадия в иноческий образ. Припав к ногам святого отца, они просили у него молитв за себя Богу. Святому старцу было открыто о них от Бога все. Сотворив молитву, он сказал им:

- Кто привел в Иерусалим Ксенофонта и Марию?

Никто, - кроме любви к детям.

Но вы не скорбите: ваши дети живы, и Бог открыл вам во сне славу, уготованную им на небе. Идите же, возделыватели винограда Господня, куда вы идете ныне, и когда вы окончите там свои молитвы, то по возвращении в святой город вы увидите детей своих.

Побеседовав так, они разошлись: Ксенофонт с Мариною пошли к Иордану, а прозорливый старец пошел к святому городу и, побывав в церкви Воскресения Христова, сел близ святой Голгофы на земле и отдыхал. Когда святой старец сидел там, юный инок Иоанн, сын Ксенофонта, пришедший из Малмефетанского монастыря в Иерусалим на поклонение, увидел святого старца и поклонился ему до земли. Старец с любовью приветствовал его и, благословив, спросил:

- Где был ты доселе, господин мой Иоанн? Вот отец твой и мать твоя ищут тебя, а ты пришел, отыскивая своего брата.

Иоанн удивлялся тому, что этот великий старец знает все. Поняв, что это - прозорливец, он припал к ногам святого и сказал:

- Умоляю тебя, отче, скажи мне, Господа ради, где брат мой. Душа моя сильно изнемогает от желания видеть его. Я много подвизался, молясь Богу, чтобы Он открыл мне: жив ли мой брат или нет? Но Господь не благоволил мне открыть доселе, - разве только ныне чрез тебя, святой отец!

Старец сказал ему:

- Сядь около меня; ты скоро увидишь брата своего.

Когда они посидели немного, подошел другой инок, юный Аркадий, с изможденным телом и высохшим лицом. Глаза его глубоко впали от чрезмерного поста и воздержания. Кланяясь святым местам, он скоро увидел сидящего старца и, подбежав к нему, упал к ногам его, говоря:

- Отче, ты оставил свою ниву и уже третий год не посещаешь ее; много терниев и сорной травы выросло без тебя и тебе предстоит много потрудиться, пока ты очистишь ее.

Старец сказал ему:

- Знай, дитя мое, что я ежедневно посещал свою ниву, и верую Господу, что не терния выросли на ней и не сорная трава, а зрелая пшеница, достойная трапезы Царя царствующих. Сядь около меня.

Аркадий сел. Старец помолчал некоторое время и затем обратился к Иоанну:

- Откуда ты, брат Иоанн?

Иоанн ответил:

- Я, отец мой, убогий человек и странник. Об исполнении одного только желания сердца моего я прошу милости Господней и твоей святой молитвы.

Старец сказал ему:

- Да, это так. Но скажи мне, какого ты рода и какой город - отечество твое, а равно какова твоя жизнь, - чтобы прославилось имя Господне.

Иоанн начал рассказывать все по порядку, - что он родом из Константинополя, сын одного сановника, имел брата Аркадия, с которым был послан в Берит учиться, - что на море, во время сильного волнения разбился корабль и все потонули, кроме него.

Аркадий, слушавший этот рассказ, внимательно всматривался в инока и, наконец, узнал в нем своего брата. По духу родственной любви, он не мог долее слушать излагаемый иноком рассказ и воскликнул:

- Воистину, отче, это брат мой Иоанн!

Старец сказал на это:

- Знаю и я, но молчал, чтобы вы сами друг друга узнали.

Они поспешно бросились друг другу на шею, обнимали и лобызали друг друга с радостью и слезами и затем, встав, прославили Бога, сподобившего их свидеться живыми, в святом иноческом образе и в такой добродетельной жизни, посвященной Богу.

Спустя два дня пришли от Иордана Ксенофонт и Мария. Помолившись на Голгофе и поклонившись живоносному гробу Господа нашего, они роздали на этом святом месте много золота во славу Божию. Увидев там же и святого прозорливого старца, они узнали его и, припадая к ногам его, просили молитвы. После молитвы они сказали старцу:

- Ради Господа, отче, исполни свое обещание и покажи нам детей наших.

Оба же сына их, Иоанн и Аркадий, стояли около старца, но он повелел им не говорить ни слова и даже не поднимать глаз, а смотреть вниз, чтобы не быть узнанными. Дети узнали своих родителей и радовались сердцем, а родители не могли узнать детей своих, частью потому, что они были в иноческом одеянии, а частью потому, что от продолжительного воздержания поблекла красота лица их. Тогда святой старец сказал святым Ксенофонту и Марии:

- Идите в свою гостиницу и приготовьте нам трапезу. Я приду с учениками своими и, вкусив вместе с вами пищи, скажу вам, где ваши дети?

Родители сильно обрадовались, так как святой отец обещал им показать их детей, и, отправившись, быстро приготовили обильную трапезу. Святой старец сказал ученикам своим:

- Пойдем туда, где остановились ваши родители, но вы постарайтесь ничего не говорить, пока я не скажу вам.

Оба брата сказали ему:

- Как повелишь ты, отче, так и будет.

Тогда старец продолжал:

- Разделим с ними трапезу и беседу. Это не повредит спасению вашему. Верьте мне, что какой бы труд вы ни предприняли ради добродетели, вы не достигнете меры совершенства вашего отца и матери.

Затем они пришли в гостиницу, приютившую Ксенофонта, и сели за предложенную им трапезу. Они ели вместе и беседовали о назидательных вещах. После этого блаженные Ксенофонт и Мария обратились к старцу:

- Отче святой, как живут наши дети?

Святой ответил:

- Они доблестно трудятся ради своего спасения.

Родители сказали на это:

- Бог, устрояющий спасение всех людей, да дарует им быть истинными делателями винограда Христова!

Затем снова Ксенофонт обратился к старцу:

- О, как хороши, отче, эти твои ученики! О если бы и наши дети были таковы! Сильно возлюбила душа наша этих юных иноков. Лишь только мы увидели их, возвеселялось сердце наше, как будто мы увидели собственных детей.

Тогда старец сказал Аркадию:

- Расскажи нам, чадо, где ты родился, как воспитался, как пришел сюда?

Аркадий начал рассказывать так:

- Я, отче, и этот мой брат - родом из Византии, сыновья одного из первейших сановников в царских палатах. Воспитаны мы в благочестии. Родители послали нас в Берит учиться эллинской мудрости. Когда мы плыли, наш корабль разбился от волнения и бури, и каждый из нас, ухватившись за доску от разбившегося корабля, плыл туда, куда несли его волны. По Божию милосердию, мы остались в живых и выброшены морем на сушу.

Когда он еще говорил, родители узнали, что это их дети, и тотчас воскликнули:

- Вот они, наши дети! Вот плод утробы нашей! Вот светила очей наших!

Бросившись им на шею, они лобызали их с любовью и плакали от радости. Старец также прослезился. Затем все встали, воздали славу и благодарение Богу и веселились, прославляя великое и дивное промышление Божие.

После этого Ксенофонт с подругою своею просили святого старца постричь и их в иноческий чин. Рукою прозорливого отца были пострижены Ксенофонт и Мария и им же научены иноческим правилам. Старец заповедал им, чтобы они жили не вместе, а каждый особо. Спустя немного времени, они все разлучились. Мария ушла в монастырь иночествующих женщин, а Иоанн и Аркадий, простившись с родителями, отошли со старцем в пустыню. Ксенофонт же, послав в Византию, велел продать дом свой и все имущество, роздал все нуждающимся, отпустил на свободу рабов, а сам, нашедши келию в пустыне, предался безмолвию.

Все они послужили Богу до конца и сподобились от Него великих даров: Иоанн и Аркадий просияли среди пустынножителей, как светила, и, прожив много лет, предузнали о своей кончине и отошли ко Господу. Преподобная Мария соделала много чудес, исцеляла слепых, изгоняла бесов и после блаженной кончины перешла от земли к небу. Преподобный Ксенофонт также получил от Бога дар чудотворения и прозорливства: он предсказывал будущее и был созерцателем великих таин, а затем отошел созерцать то, чего не видело человеческое око, и наслаждаться видением Лица Божия. Так преподобный Ксенофонт, блаженная Мария и святые дети их, Иоанн и Аркадий, усердно возлюбившие Бога, ревностно послужили Господу праведною и богоугодною жизнью⁶, и причтены к лику

святых Святейшим Владыкою, Христом Спасителем нашим, Которому со Отцом и Святым Духом слава, честь и поклонение, во веки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Житейскаго моря избегше, Ксенофонт праведный с супружницею честною на небесех свеселятся с чады, Христа величающе.

---

1 Берит - нынешний Бейрут - древний город Финикии на берегу Средиземного моря; в V веке процветал и славился своей высокой школой риторики, поэтики и права; ныне - главный административный город Азиатско-Турецкой Сирии и важнейший торговый пункт Сирийского побережья.

2 Тир - древняя столица Финикии - был расположен на восточном берегу Средиземного моря, к северу от Палестины.

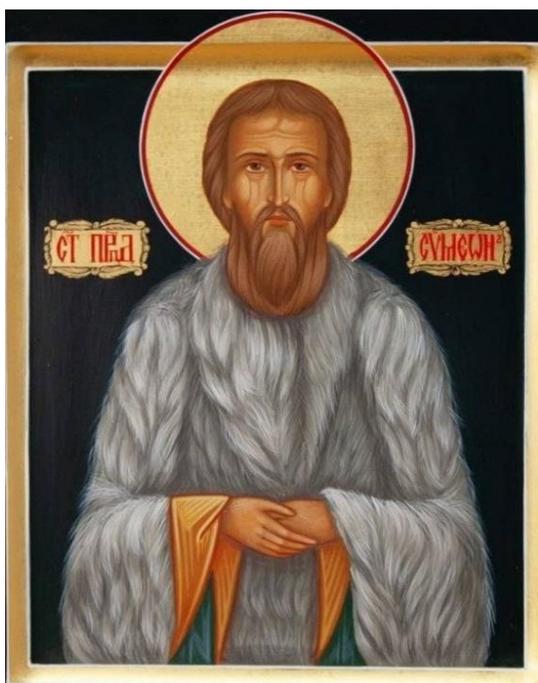
3 Малмефетан - местность в Месопотамии.

4 Тетрапиргия - город в Месопотамии, близ р. Евфрат.

5 Память преп. Харитона отмечается 28 сентября. Основанная им Сукийская лавра находилась в Палестине, на юге от Вифлеема.

6 Преподобные Ксенофонт и Мария и сыновья их, Иоанн и Аркадий, жили и подвизались в V веке.

Память преподобного Симеона Ветхого

Преподобный Симеон, именуемый "Ветхим"¹, с юных лет проводил пустынное житие, поселившись в одной небольшой пещере, в Сирии, в совершенном уединении. Жизнь его протекала в строгом посте, непрерывной молитве и богомыслии. Пищью ему служили только травы, произраставшие вокруг пещеры. Так подвизался он в продолжение многих лет. Когда же к нему стали стекаться желающие видеть его и чрез это нарушали его безмолвие, он оставил пещеру и переселился на гору Аман²; но и здесь не нашел покоя от многих стекавшихся к нему. Тогда он удалился на Синайскую гору³. Но Бог не благоизволил, чтобы преподобный остался на Синае, ибо надлежало ему послужить спасению других в прежнем месте своих подвигов. Посему Симеон возвратился на Аман. Под его руководством в непродолжительном времени здесь

были устроены две иноческие обители: одна - на вершине горы, другая - внизу, у подошвы горы. Управляя обителями, преподобный Симеон наблюдал над вверенными его руководительству подвижниками, ободрял и укреплял их в подвигах благочестия, предупреждал их о нападениях и кознях врага нашего спасения и руководствовал в борьбе с ним, возбуждал к внутреннему вниманию, располагал их к кротости, снисходительности к ближним, великодушию к врагам. За свои неусыпные подвиги преподобный получил от Бога благодать повелевать даже лютыми зверями. Богоугодно пожив, преподобный в глубокой старости с миром почил о Господе⁴.

---

1 "Ветхим" или древним он называется по сравнению с преподобным Симеоном Столпником, после него подвизавшимся также в Сирии.

2 Аман - вершина горы Антиливана, на севере Палестины, к востоку от Средиземного моря.

3 Гора Синай представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезанных и окруженных крутыми долинами; у арабов ныне называется горой Тур или Джебель-Тур-Сина; лежит почти посредине известных рукавов Красного моря, образующих собою Синайский полуостров. Она состоит из трех горных хребтов. Собственно гора Синай, при которой израильтяне вступили в завет с Богом, представляет самую высшую вершину среднего хребта.

4 Преподобный Симеон Ветхий преставился около 390 г.

Память святых мучеников Анании пресвитера, Петра темничного ключаря и с ним семи воинов

Святой Анания от младенчества отличался благочестием. Отданный в книжное научение, он в отрочестве прилежал чтению божественных книг. Посему, когда он возрос, то был сделан народом, хотя и против воли, диаконом, а потом и пресвитером, несмотря на свои юные годы. В гонение Диоклитиана, Анания, как христианин, был представлен суду. Несмотря на убеждения и угрозы, он оставался непреклонен и всенародно исповедовал Христа, осмеивал языческих богов в храме, одним дуновением ниспроверг идолов и самый храм разрушил. После того Анания был заключен в темницу, где на седьмой день удостоился явления Христова, а на двенадцатый день - явления Святого Духа в виде голубя. После этих видений темничный страж, по имени Петр, уверовал во Христа, и оба они были представлены новому правителю, который приказал положить Ананию на раскаленную сковороду, после чего тело его строгать и посыпать солью, а Петра - на горячие уголья; затем они заключены были в сильно натопленную баню, но чрез три дня найдены невредимыми. При этом чуде семь воинов обратились ко Христу и за это были жестоко биты плетью. Потом все девять человек были брошены в огонь, но, после того как явился им Дух Святой в виде голубя, остались невредимы. Анания был предан диким зверям, но остался цел. Наконец, все они были потоплены в море. На пути Анания крестил семь обратившихся воинов. Тела святых мучеников волнами были вынесены на берег, с честью погребены христианами, причем источали многоразличные исцеления¹.

---

¹ Страдания святых мучеников Анании, Петра и с ними семи воинов происходили в Финикии. Кончина их последовала в начале IV века.

Память святого Иосифа Солунского

Святой Иосиф, архиепископ Солунский, брат преподобного Феодора Студита¹, вместе с ним с юных лет подвизался под руководством дяди своего, преподобного Платона, основавшего монастырь в Сакудионе². Вместе с братом своим святой Иосиф изобличал незаконное бракосочетание императора Константина³. Приведенный в Константинополь, он был томлен голодом и, наконец, послан в заточение на бесплодный остров, где брошен был в темницу. Император Михаил Куропалат⁴ позволил Иосифу возвратиться из заточения. При Льве Армянине⁵ святой Иосиф претерпел гонение за иконопочитание. Лев подверг его, вместе с его братом Феодором Студитом, пыткам и потом заключил его в темницу; чрез несколько времени царь потребовал, чтобы они подписались под иконоборным исповеданием веры. Иосиф отказался, и его бросили в другую смрадную темницу. Впоследствии Михаил Косноязычный⁶ освободил вместе с прочими иноками, пострадавшими за иконопочитание, и Иосифа. Святой Иосиф с миром скончался в Студийской обители, где провел последние годы своей жизни⁷.

---

¹ Память его празднуется 11 ноября.

- 2 Сакудион - впоследствии знаменитый монастырь в Вифинии, северо-западной области Малой Азии.
- 3 Император Константин VI Порфирородный царствовал с 780 по 797 г. Предаваясь излишеству в страстях и любодейству, он силою постриг свою супругу Марию в иночество и, вместо нее, взял себе другую жену, Феодотию, которая приходилась родственницей его отцу.
- 4 Михаил I Куропалат или Рангав царствовал с 811 по 813 г.
- 5 Лев V Армянин, иконоборец, царствовал с 813 по 820 г.
- 6 Михаил II Косноязычный царствовал с 820 по 829 г.
- 7 Святой Иосиф, архиепископ Солунский, скончался в 830 г. После него осталось несколько слов, из коих особенно замечательно слово на Воздвижение Честного Креста Господня. Более же Иосиф известен, как песнописец. По спискам триоди XI в., имя Иосифа стоит над теми из двух дневных трипеснцев постной триоди, которые занимают первое место, исключая трипеснцы страстной седмицы; ему же принадлежат некоторые стихирьы на эти дни. Трипеснцы и стихирьы святого Иосифа частью заключают умиленную молитву к Ангелам, Предтечи, Богоматери, Апостолам и св. Николаю, частью изображают дух поста и покаянную молитву к Сердцеведцу Судии. Песнопения Иосифа и особенно канон в неделю блудного сына вполне приличествуют дням поста, дыша глубоким сокрушением о грехах.